

О. В. ТВОРОГОВ

Д. С. Лихачев и отечественная медиевистика

Ученики и сотрудники Д. С. Лихачева, вероятно, лучше, чем кто-либо другой, способны оценить его вклад в изучение древнерусской литературы, выделить те направления исследований, которые более всего его привлекали, те научные методы и принципы, которым он следовал. Эта статья — попытка из огромного количества книг и статей, написанных ученым, выделить то, что, по мнению автора, быть может и субъективному, имеет особенно принципиальное значение, вошло в золотой фонд отечественной филологии.

Свой научный путь Д. С. Лихачев начал несколько необычно — не с серий статей по частным вопросам и мелких публикаций, а с обобщающих трудов: в 1945—1947 гг. вышли одна за другой три книги, охватившие историю русской литературы и культуры за несколько веков,¹ и монография, предложившая во многом новую концепцию возникновения русского летописания и эволюции летописи как жанра вплоть до XVI в.² В этих книгах проявилась характерная для многих работ Лихачева черта — стремление рассматривать литературу в ее теснейших связях с другими областями культуры — просвещением, наукой, изобразительным искусством, фольклором, народными представлениями и верованиями. Этот широкий подход позволил молодому ученому сразу же подняться к тем высотам научных обобщений, которые являются преддверием концепционных открытий. Одно из них содержится в небольшой, но насыщенной интересными фактами и интерпретациями книге о русской культуре XIV—XV вв., в которой Д. С. Лихачев выдвинул и убедительно обосновал гипотезу о русском Предвозрождении.³ Именно здесь проявилась продуктивность того широкого подхода к явлениям культуры, о котором уже говорилось: Д. С. рассматривает и идейные веяния, пришедшие на Русь из Византии или от южных славян, и учение о букве и слове Константина Костенческого, и влияние новых стилей и манер в изобразительном искусстве, и, конечно, новые явления в литературе, принесенные на Русь волной второго южнославянского влияния «Могучие токи нового предвозрожденческого движения, — пишет автор, — захватили собой не только всю Западную Европу, Византию, но также Псков, Новгород, Москву, Тверь, весь Кавказ и часть Малой Азии. На всем пространстве этой колоссальной территории мы встречаемся с однородными

¹ Лихачев Д. С. 1) Национальное самосознание Древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М., Л. 1945, 2) Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л. 1945, 3) Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.) Л. 1946.

² Русские летописи и их культурно-историческое значение. М., Л. 1947.

³ Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.) М., Л. 1962.

явлениями, вызванными развитием демократической жизни в городах и усиленным культурным общением стран».⁴ «Новое движение, — пишет далее Лихачев, — выработало вкусы, определившие форму и содержание литературных произведений двух ближайших столетий <...> В результате этой всей огромной совместной работы славянских ученых были выработаны литературные принципы, способные передать пышность, торжественность тем и подъем чувств своего времени».⁵ Наблюдения Д. С. Лихачева над эволюцией доминирующих стилей (эпоха русского Предвозрождения — лишь один этап этого движения) обобщены в его блестящей книге «Человек в литературе Древней Руси»,⁶ в которой были окончательно разрушены прежние представления о косности, однообразии русской средневековой литературы. Постепенно Д. С. Лихачев подходил к мысли о необходимости создать теоретическую историю литературы, в которой были бы исследованы «характер (литературного. — О Т) процесса, его движущие силы, причины возникновения тех или иных явлений, особенности историко-литературного движения данной страны сравнительно с движением других литератур» — так определены цели такого историко-литературного исследования в новой книге Д. С. — «Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили».⁷ Двумя годами ранее в совместной с В. Д. Лихачевой книге Д. С. публикует статью «Пути к новой русской литературе»,⁸ в которой охарактеризованы основные направления развития русской литературы, т. е. представлена все та же теоретическая история древнерусской литературы. Эти направления сформулированы с предельной четкостью и лаконичностью («развитие от великих стилей эпохи к литературным течениям», «постепенное снижение прямолинейной условности искусства», «возрастание личностного начала в литературе», «расширение социальной среды литературы»), и всякий раз, обращаясь к анализу тех или иных явлений в литературе Древней Руси, убеждаешься в правомерности и универсальности предложенных Лихачевым формулировок. Теоретическая история — книга «Развитие русской литературы...» не смогла, разумеется, в равной мере охватить все стороны семивекового литературного процесса. Наиболее удачным, на мой взгляд, является раздел, посвященный возникновению и первым векам развития литературы с убедительным объяснением процесса «трансплантации» общеславянской литературы-посредницы на русскую почву, и обоснование важного понятия о «стиле эпохи». Именно в формулировках этого термина как бы подводится итог многолетним разысканиям ученого, направленным на обнаружение того «взаимопроникновения» литературы и искусства, о котором он писал еще в своей первой книге. «Итак, специфика отдельных искусств (в том числе и искусства слова), — пишет Лихачев в главе «О стиле эпохи», — в средние века выражена слабее, чем в новое время, — одновременно сильнее, чем в новое время, сказывается общность всех искусств, их объединенность „стилем эпохи“».⁹ Д. С. показывает наличие общих «стилеобразующих элементов» у таких, казалось бы, отдаленных друг от друга сфер, как литература и архитектура, как фресковая живопись и сочинения историографии, как естественнонаучные сочинения и достижения политической и общественной мысли. Исследователь не ставит точку своими наблюдениями: признавая чрезвычайную сложность обозначенного им феномена,

⁴ Там же С. 15

⁵ Там же С. 47

⁶ Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., Л., 1958, 2-е изд. — М. 1970

⁷ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л. 1973

(4

⁸ См. Лихачева В. Д. Лихачев Д. С. Художественное наследие Древней Руси и современность. Т. 1971 С. 71–112

⁹ Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков С. 64

он призывает к его дальнейшим углубленным исследованиям объединенными усилиями «многих исследователей разнообразных специальностей».¹⁰

Параллельно с анализом историко-литературных процессов Д. С. Лихачев выделяет как особую тему исследования художественную специфику древнерусской литературы. Вслед за серией статей по частным вопросам Д. С. публикует большую обобщающую статью в ТОДРЛ,¹¹ сохраняющую свое значение и по сей день как наиболее исчерпывающее, несмотря на лаконичность, описание основных особенностей древнерусской литературы. В расширенном варианте эти же проблемы рассмотрены в книге Д. С. Лихачева «Поэтика древнерусской литературы», выдержавшей три издания и переведенной на ряд языков.¹²

Но вернемся к обобщающим работам по истории древнерусской литературы. Сила исследовательского таланта Д. С. Лихачева в его способности к глобальным обобщениям, в умении выявить определяющие ход развития литературы процессы, магистральные направления развития. Ученый словно бы смотрит на литературу Древней Руси с высоты, охватывая ее «панорамным зрением» (это термин Д. С. Лихачева). Любуясь из иллюминатора современного авиалайнера расстилающейся внизу землей, мы видим лишь величественную панораму, оживляемую голубыми лентами полноводных рек, бескрайние зеленые ковры лесов, величественные вершины гор. Но даже зоркому взгляду недоступны рассыпанные внизу городки и села, неразличимы паутинки проселочных дорог, ниточки маленьких речушек, квадратиков огородов; так и при панорамном обозрении литературы мы рискуем не заметить частностей, оторваться от самой плоти — конкретных произведений, изучение которых порой способно в корне изменить традиционные «общие представления». Так, блестяще нарисованная в книге «Культура Руси времени Андрея Рублева...» картина развития русской литературы эпохи Предвозрождения (повторенная затем в книгах «Человек в литературе Древней Руси» и «Развитие русской литературы X—XVII веков») потребовала существенных коррективов после передатировки ряда памятников, служивших опорными точками всей конструкции: переводы Сербской Александрии, Троянских сказаний, житий сербских святых пришли на Русь на полвека позднее, чем представлялось ранее; в начале XVI в., а не в середине XV, был создан «Русский хронограф», и его стиль, так ярко описанный Д. С. Лихачевым, — это слегка подретушированный составителем стиль Хроники Манассии, ставшей известной на Руси, вероятно, лишь в самом конце XV в. «Повесть о Петре и Февронии», определившая структуру главы «„Психологическая умиротворенность“ XV в.» в книге «Человек в литературе Древней Руси», оказалась написанной, как доказала Р. П. Дмитриева, Ермолаем Еразмом в 40—50-х гг. XVI в. Естественно, что один исследователь не в силах охватить все стороны литературы, насчитывающей в своем репертуаре тысячи произведений и многие десятки писательских имен. Но маленькие частности способны вызвать глубокие трещины в монументальных общих построениях.

Эту опасность «отрыва от земли» прекрасно понимает и сам Лихачев. Во-первых, наряду с обобщающими работами о литературе Древней Руси на всем протяжении ее развития он обращается к изучению конкретных памятников — летописей, «Слова о полку Игореве», цикла повестей о Николе Заразском, сочинений Ивана Грозного, «Повести о Горе-Злочастии» и мн.

¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹ Лихачев Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 5—28.

¹² Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; 2-е изд. — Л., 1971; 3-е изд. — Л.: М., 1979.

др.¹³ Во-вторых, он обратил особое внимание на саму «плоть» литературы, начав с рассмотрения ее организующего начала — системы литературных жанров. В докладе о жанрах древнерусской литературы, прочитанном в 1963 г. на V Международном съезде славистов,¹⁴ Лихачев специально остановился на чрезвычайной сложности задаче, стоящей перед исследователями средневековой славянской книжности. Если общие курсы литературы и обобщающие труды обычно «высвечивают» в основном шедевры — горные вершины, если вернуться к нашей метафоре с панорамой, открывающейся взору с авиалайнера, — то уже само перечисление жанров (пока еще только жанров!) заставляет воскликнуть вместе с Ломоносовым: «Открылась бездна звезд полна; Звездам нет числа, бездне дна». Показав сложности, характерные именно для средневековых литератур (неустойчивость жанровых определений, вариативность заглавий произведений, сложные «сцепления» в жанровых ассоциациях и т. д.), Д. С. Лихачев невольно подводил к мысли (хотя прямо и не высказанной в данной работе) о необходимости создания своего рода энциклопедии древнерусской литературы, которая ввела бы в научный оборот сотни произведений «второго ряда», ибо только это обогащение новыми фактами позволило бы более объективно изучать и саму жанровую систему Древней Руси, о которой говорилось в упомянутом докладе.

Так родился замысел создания монументального «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси».¹⁵ Д. С. Лихачев сумел вместе со своими сотрудниками — редакторами томов — организовать большой авторский коллектив, и в результате многолетний труд, значительно превзошедший по объему предполагавшийся первоначальный проект, уже близок к завершению.¹⁶

Теоретические построения Д. С. Лихачева подкреплены теперь новым обширным фактическим материалом, причем «Словарь» явился не только сводом суждений, накопленных за два века интенсивного изучения древнерусской литературы, но содержит и множество новых археографических открытий, и результаты текстологических и историко-литературных разысканий, осуществленных его авторами, среди которых, естественно, и сам Д. С. Лихачев.

Представления о древнерусской литературе и путях ее развития, разработанные в обобщающих трудах Д. С. Лихачева, нашли отражение и в коллективных трудах его сотрудников, соавтором и ответственным редактором которых выступал сам Д. С. Я имею в виду прежде всего раздел о древнерусской литературе в академической истории русской литературы,¹⁷ а также вышедший двумя изданиями учебник для вузов под редакцией Д. С. Лихачева¹⁸

¹³ Работы этого рода собраны в книге Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986.

¹⁴ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Славянские литературы V Международного съезда славистов (София, сентябрь 1963 года). Докл. сов. делегации. М., 1963.

¹⁵ См. Буланин Д. М., Дмитриев Л. А. Задачи и принципы издания «Словаря писателей, деятелей книжной культуры и литературных памятников Древней Руси» // РЛ. 1980. № 1. С. 109—120.

¹⁶ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.) Л., 1987; Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.) Ч. 1—2. Л., 1988—1989; Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1—2. Л., 1992—1993. Ч. 3—4 находятся в производстве.

¹⁷ История русской литературы. В 4 т. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Отв. редакторы Д. С. Лихачев и Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 11—407 (авторы глав — Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, Г. Н. Моисеева, А. М. Панченко, О. В. Творогов, автор Введения и Заключение — Д. С. Лихачев).

¹⁸ История русской литературы X—XVII веков. Уч. пособие для студентов пед. ин-тов. М., 1980. 2-е изд. — М., 1985 (авторы разделов — Л. А. Дмитриев, Я. С. Лурье, А. М. Панченко, О. В. Творогов, автор Введения и Заключение — Д. С. Лихачев).

Стоит подчеркнуть, что Лихачев является неустанным пропагандистом древнерусской литературы, стремясь сделать ее шедевры неотъемлемой частью филологического и историко-культурного кругозора самого широкого читателя. В этой связи необходимо особо выделить прекрасную книгу Д. С. Лихачева «Великое наследие», знакомящую читателя с наиболее значительными произведениями древнерусской литературы, с ее самыми знаменитыми писательскими именами,¹⁹ раздел о древнерусской литературе в книге «Земля родная»,²⁰ книгу «Культура русского народа»²¹ и ряд научно-популярных книг о «Слове о полку Игореве».²²

Популяризация научных знаний — исключительно трудное дело: она требует не только знаний, но и немалого литературного таланта, и в то же время ученому, отдающему дань пропаганде любимой науки, может грозить в глазах неосведомленных людей «подмена облика»: так, Д. С. Лихачев может предстать в их глазах прежде всего переводчиком и издателем «Слова о полку Игореве».

Действительно, ученый посвятил «Слову» немало работ, десятки раз издавался его перевод памятника, десятками исчисляются его статьи в журналах и газетах, бесчисленны интервью, добытые настойчивыми журналистами и телекомментаторами. И важно, чтобы в этой суеде, вызванной то очередным юбилеем, то насущными потребностями школы (должен отметить, что Д. С. Лихачеву принадлежит прекрасная книга о «Слове», адресованная непосредственно учителю²³), то очередными страстями вокруг подлинности памятника, не забылся огромный научный вклад Лихачева в исследование «Слова».

В-первых, он, как никто из его предшественников, основательно разрабатывал вопрос о «Слове» как историческом источнике, — но не в том примитивном смысле, каковой содержит любой исторический комментарий к изданию памятника. Лихачев показал, что «Слово» отражает не только и не столько факты русской истории XII в., сколько позволяет нам заглянуть в ее глубинные процессы: оценки князей и их поступков, самих событий отражают представления и пристрастия современников, в «Слове» перед нами предстает Русь XII в. глазами мудрого автора-патриота с его неизбежной субъективностью и пристрастиями. И этот взгляд изнутри, удивительно тонко высвеченный и объясненный Лихачевым, как нельзя лучше отмечает любые предположения о возможности позднего создания «Слова».²⁴

Во-вторых, именно Лихачев в своей статье 1957 г. по-новому поставил вопрос о точности первого издания «Слова». Произведенное им сопоставление оригинального текста «Поучения» Владимира Мономаха с изданием его, осуществленным тем же А. И. Мусиным-Пушкиным, убедительно показало наличие совершенно иных принципов передачи древнерусских текстов, противопоставило записаниям о тексте, будто бы переданном «буква в букву», основанным на фактах иной подход с учетом эдичионных принципов рубежа XVIII—XIX вв.²⁵

¹⁹ Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. М., 1975, 2-е изд. — М., 1979.

²⁰ Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983. С. 193—252.

²¹ Лихачев Д. С. Культура русского народа X—XVII вв. М., Л., 1961.

²² Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» — героический пролог русской литературы. М., Л., 1961. 2-е изд. — Л., 1967.

²³ Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. М., 1976, 2-е изд. — М., 1982.

²⁴ Лихачев Д. С. Исторический и политический кругозор автора «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве (6 исследований и статей). М., Л., 1950. С. 5—52.

²⁵ Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ОДРЛ. М., Л., 1957. Т. 13. С. 66—89.

В-третьих, именно Д. С. Лихачеву принадлежат работы, в которых «Слово» рассматривается в контексте эстетических представлений своей эпохи. Чаще всего пытались подчеркнуть необычность, уникальность «Слова» (что могло легко привести к уклонению в «ересь скептицизма»), Лихачев же, напротив, показал, что «Слово» при всем исключительном мастерстве своего автора все же вполне соответствует литературным нормам XII в., отвечает требованиям литературного этикета, неразрывно связано с традициями древнерусской поэзии.²⁶ Не обошел Лихачев и «большого вопроса» слововедения — проблемы автора «Слова». Решительно отвергнув бесплодные поиски конкретного лица (имя, назовите нам имя! — наивно, но настойчиво требуют от ученых многочисленные поклонники «Слова»), он привел ряд весомых аргументов в пользу мнения, согласно которому автором «Слова» был княжеский певец-профессионал.²⁷

В-четвертых, Лихачеву принадлежит серьезный «прорыв» в изучении взаимоотношений «Слова» и «Задонщины» как одного из важнейших доказательств древности «Слова». Он обосновал существование особой «поэтики подражания», которая позволяет почти безальтернативно утверждать первичность «Слова».²⁸ Более убедительной представляется и аргументация Лихачева в его споре с Д. Феннелом о «текстологическом треугольнике» — взаимоотношениях рассказов о походе Игоря Святославича в «Слове», «Задонщине» и Ипатьевской летописи.²⁹

В-пятых, Д. С. Лихачев был инициатором и участником двух монументальных трудов, посвященных «Слову»: он поддержал идею создания словаря-справочника «Слова о полку Игореве», а затем стал его основным редактором, придавшим этой лингвистической по сути работе тот литературоведческий ракурс, который особенно необходим при изучении такого памятника, как «Слово».³⁰ Лихачеву принадлежит и идея создания «Энциклопедии „Слова о полку Игореве“», редактором и одним из авторов которой он являлся.³¹

В золотой фонд отечественной филологии несомненно входит сборник работ Д. С. Лихачева — «„Слово о полку Игореве“ и культура его времени».³² Мы встретим уже в названии книги знакомое словосочетание: памятник литературы и культура его времени. И действительно, входящие в сборник статьи по своей совокупности как нельзя лучше подтверждают любимую идею ученого: понять литературное явление можно, только обладая глубокими знаниями о духовном мире той эпохи, в которую оно создано, ибо на автора оказывало влияние множество факторов: и политическая реальность — взаимоотношения князей и представления о ближнем и дальнем

²⁶ Этой теме посвящено несколько работ Лихачева. Наиболее ценные из них статьи «„Слово о полку Игореве“ и особенности русской средневековой литературы» (в сб. «Слово о полку Игореве» — памятник XII века М., Л., 1962 С. 300—320) и «„Слово“ и эстетические представления его времени» (в кн. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л., 1985 С. 39—75).

²⁷ См., например Лихачев Д. С. 1) Размышления об авторе «Слова о полку Игореве» // РЛ 1985 № 3 С. 3—6, 2) Тип княжеского певца по свидетельству «Слова о полку Игореве» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени С. 230—233.

²⁸ Лихачев Д. С. Черты подражательности «Задонщины» (К вопросу об отношении «Задонщины» к «Слову о полку Игореве») // РЛ 1964 № 3 С. 84—107.

²⁹ Лихачев Д. С. «Текстологический треугольник» «„Слово о полку Игореве“, рассказ Ипатьевской летописи о походе князя Игоря в 1185 г. и «Задонщина» // Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени Л. 1978 С. 293—309.

³⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В. Л. Виноградова М., Л., 1965 1984 Вып. 1—6. См. также Богородский Б. А., Ларин Б. А., Лихачев Д. С. О словах и комментариях «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ М., Л., 1960 1 16 С. 424—441.

³¹ Энциклопедия «Слова о полку Игореве» СПб. 1995 Т. 1—5.

³² Л., 1978, 2-е изд. — Л. 1985.

зарубежье, и книжность в целом (репертуар наиболее читаемых книг), и ученые эстетические принципы (что считалось в кругу книжников-современников нормой, эталоном литературного совершенства), и живая реальность «словесности», в которую мощным потоком вливался фольклор во всех своих многообразных жанровых формах, и властный мир религиозных воззрений, сила воздействия которых многократно усиливалась величественной степенностью богослужения, строгостью форм храмовой архитектуры, одухотворенностью ликов на иконах и фресках, завораживающей прелестью заставок и миниатюр в книгах. Все это в своей совокупности и определяло творческие принципы древнерусского книжника, воссоздать которые в своей душе и должен попытаться современный исследователь.

К этой полноте восприятия далекой эпохи призывает нас и одна из главных книг Д. С. Лихачева — «Текстология».³³ Разумеется, основной задачей автора было предложить современному исследователю-медиевисту стройную систему взглядов на принципы изучения литературных памятников средневековья — как собирать и датировать списки, как восстанавливать историю текста, как готовить тексты к изданию и т. д. Эти основные темы капитального труда Лихачева хорошо известны каждому древнику. Но я бы хотел обратить внимание на другую, как бы оттесненную на второй план практическими проблемами, но не менее важную тему книги: на многочисленных примерах, основанных на собственном опыте и опыте своих коллег-древников, Лихачев создает необычайно выпуклый портрет древнерусского книжника. Иногда этот портрет совершенно конкретен (глава «Работа древнерусского книжника»), иногда же возникает лишь в результате текстологических наблюдений или археографических разысканий исследователей: перед нами то книжник-редактор (когда речь о редакциях произведений), то книжник-переводчик (раздел об изучении текста переводных произведений), то книжник-исследователь, историограф (глава об изучении текста летописей), то книжник-изограф (глава об изучении иллюстрированных рукописей). Важный урок «Текстологии» Лихачева состоит в том, что нельзя издавать, переводить, комментировать текст до тех пор, пока ты не попытаешься проникнуть в творческую лабораторию конкретного древнерусского книжника — автора, редактора или даже переписчика. И еще один, незаметный на первый взгляд, урок этой книги. В ней нет традиционного именного указателя. Вместо этого — «Указатель исследований и изданий памятников». Почему? Потому, пояснил мне Д. С. Лихачев, поручая составить указатель к первому изданию книги, что важно не имя исследователя (сколько раз он упомянут), а его работы, осуществленные им издания и исследования. Во-вторых, пусть для начинающего древника этот указатель будет своего рода рекомендательной библиографией. И действительно, указатель к «Текстологии» можно читать как книгу (чего не сделаешь с указателем именным) — книгу об истории изучения древнерусской словесности учеными XIX—XX вв.

Все сказанное характеризует Д. С. Лихачева как исследователя по преимуществу. Но большой заслугой является то, что именно Лихачев превратил древнерусскую литературу из вузовской учебной дисциплины в непреходящий компонент духовной жизни современного гражданина, не только своими книгами и статьями, о чем уже шла речь, но прежде всего через организацию ряда публикаций памятников древнерусской литературы. Разумеется, переводы и переложения отдельных памятников существовали раньше: достаточно вспомнить возросший интерес к «Слову о полку Иго-

³³ Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). М.: Л., 1962; 2-е изд., перераб. и доп. — Л., 1983.

реве» во время юбилея 1938 г. Но это были издания ограниченного и жанрово и тематически узкого круга памятников — «Слова о полку Игореве», воинских повестей, произведений демократической сатиры.

Д. С. Лихачев начал популяризацию произведений древнерусской литературы в рамках серии «Литературные памятники»: он участвовал в издании «Воинских повестей Древней Руси»,³⁴ а затем в 1950 г. осуществил самостоятельные издания «Повести временных лет»³⁵ и «Слова о полку Игореве»³⁶ — издания, сохранившие свою научную ценность до сего времени и прежде всего из-за исключительного богатства комментариев и из-за сопровождающих публикацию научных статей. И все же подлинное «открытие» древнерусской литературы во всем разнообразии ее памятников и жанров произошло в 1967 г., когда вышел в свет «Изборник»,³⁷ впервые в после-революционную эпоху познакомивший широкого читателя не только с летописью, с воинскими и бытовыми повестями,³⁸ но и с такими недоступными прежде массовому читателю жанрами, как жития и апокрифы. Хотя идеологический лед был сломан и «Изборник» вызвал неподдельный интерес (о чем с радостью и гордостью любил говорить Д. С. Лихачев), прошло еще несколько лет, прежде чем было решено издать в том же издательстве «Художественная литература» десяти томную (том десятый вышел в трех частях) серию «Памятники литературы Древней Руси».³⁹ Все издание шло не без трудностей: не удалось Д. С. Лихачеву добиться возможности открыть первый том «Словом о Законе и Благодати» Илариона,⁴⁰ мучительно подбирался состав второго тома, посвященного XII в., с тем чтобы «светская» и «религиозная» тематика уравнивали друг друга, и т. д. Но с каждым последующим томом авторитет серии нарастал, она была благополучно завершена⁴¹ и удостоена в 1993 г. Государственной премии Российской Федерации. Значение серии трудно переоценить: если не считать «Изборника», впервые пред читателем предстала древнерусская литература во всем многообразии своих жанров — летописи и жития, апокрифы и повести, памятники публицистики и политической мысли, философские и богословские сочинения, естественнонаучные сочинения и путевые очерки, послания и личные письма, словарные материалы и тексты берестяных грамот, силлабические стихи и драматические произведения. Всего в 12 книгах серии опубликовано около 300 произведений (не считая стихов, составивших последний том). Переводы и обстоятельные комментарии сделали памятники средневековой литературы доступными для любого читателя-неспециалиста. Издание «Памятников» позволило убедительно опровергнуть еще бытующее представление о бедности и однообразии русской средневековой литерату-

³⁴ Воинские повести Древней Руси М., Л. 1949 Д. С. Лихачеву принадлежит издание в этой книге «Повести о разорении Рязани Батыем» в 1237 г.

³⁵ Повесть временных лет Ч. 1 Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева, Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, Ч. 2 Приложения Статьи и коммент. Д. С. Лихачева М., Л., 1950.

³⁶ Слово о полку Игореве М., Л., 1950.

³⁷ «Изборник» (Сб. произведений литературы Древней Руси) М., 1969 (Б-ка всемирной литературы. Сер. первая.) Книгу открывает вступительная статья Д. С. Лихачева «Первые семьсот лет русской литературы».

³⁸ Так, в 1958 г. вышел сборник «Русские повести XV—XVI вв.» в 1954 г. вышел сборник «Русская повесть XVII века».

³⁹ Первый том серии (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI—начало XII века / Вступ. статья Д. С. Лихачева. Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева Д. С. Лихачева) вышел в свет в 1978 г. За ним последовали тома посвященные литературе XII в. (1980), XIII в. (1981) XIV—XVI вв. (1981—1987) и XVII в. (четыре книги 1988—1994).

⁴⁰ «Слово» было опубликовано в последней книге серии См. ППДР XVII век Кн. 3 М. 1994 с. 379—619.

⁴¹ Предпоследний том серии вышел в 1989 г. Выход последнего тома задержался лишь по техническим причинам.

ры. Напротив, серия как бы явилась наглядной иллюстрацией к тем определениям самобытности и специфики древнерусской литературы, которые мы найдем в работах Лихачева. Он, с частности, предложил удивительно лаконичное и точное определение литературы XI—XVII вв.: «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одного сюжета, — пишет Д. С. Лихачев. — Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни».⁴² Эта верная по существу характеристика как бы подготавливает нас к тому, что древнерусская литература однолинейна и суха. Но это не так, и Лихачев объясняет, в чем же истинное величие этой литературы и чем объяснимо ее многообразие: «Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое, как одно колоссальное произведение, поражающее нас подчиненностью одной теме, единым борением идей, контрастами, вступающими в неповторимые сочетания. Древнерусские писатели — не зодчие отдельно стоящих зданий. Это — градостроители. Они работали над одним, общим грандиозным ансамблем».⁴³ Этот ансамбль и воспроизводит в неизбежно сокращенном виде (ведь литературных произведений в Древней Руси были тысячи!) серия «Памятников». У нее есть еще одна ценная черта. Каждый том непременно открывается вступительной статьей Д. С. Лихачева, содержащей характеристику представленного в данном томе литературного периода или группы публикуемых текстов. Эти вступительные статьи в сумме своей представляют как бы очерк истории древнерусской литературы, однако адресованной не столько специалистам, сколько рядовым читателям, для которых он, возможно, явился первым окном в недоступный ему прежде храм древнерусской словесности.

Мне хотелось бы завершить свой обзор трудов и открытий Д. С. Лихачева-медиевиста (вероятно, субъективный, определяемый в какой-то мере знаниями и интересами пишущего) некоторыми замечаниями о школе Лихачева.

У него были прямые ученики, но вокруг него сложился и коллектив сподвижников, намного больший, чем число штатных сотрудников Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Они учились у Лихачева не только по его печатным трудам, но в значительной мере и в процессе общения с ним на заседаниях Отдела, которые в прежние годы были особенно регулярны, радовали интересными докладами профессионалов (и рядом с ними — первыми опытами аспирантов и студентов). Но всегда самым интересным на этих заседаниях были выступления самого Д. С. Лихачева.

Не раз он рассказывал нам в назидание о своем старшем коллеге — В. Л. Комаровиче. По словам Д. С., Комарович очень тщательно готовился к своим выступлениям в прениях, и как пример особой ответственности ученого проводился такой случай: однажды Комарович не пришел на заседание и объяснил это тем, что не успел подготовиться к выступлению по докладу. Я почти уверен, что сам Д. С. далеко не всегда «готовится» к предстоящему выступлению. Но он обязательно выступает, и эти выступления являются настоящей школой: они демонстрируют подлинную (а не по шпаргалке) эрудицию ученого, они восхищают умением в любом сообщении не только найти сильные или слабые стороны, но почти всегда предложить перспективу дальнейшего исследования, дать основательный методический совет. В выступлениях Лихачева всегда присутствует необычайная свобода движения мысли: древнерусская литература, да что там литература, сама средневековая Русь для него хорошо знакома, словно десятилетиями обжи-

⁴² Лихачев Д. С. Первые семьсот лет русской литературы // Изборник. С. 9.

⁴³ Там же С. 7

тая квартира, в которой даже ночью, без света, найдешь любую дверь, в которой известен каждый предмет. Вот так знать свою эпоху (протяженностью семь веков, заметим!), свою область знаний, литературу вопроса учил и учит своим примером Лихачев. Он учит нас, как говорить и писать о науке: удивительно просто, без щеголяния узкоспециальной терминологией, так, чтобы доступная любому форма изложения помогла глубже проникнуть в суть тех сложных проблем, о которых идет речь.

Личность Д. С. Лихачева многообразна. Он и писатель, и публицист, и общественный деятель. Но мне дороже всего Лихачев-ученый. Этому и посвящена моя статья.

В постоянном общении с Лихачевым, в совместных трудах, в научных дискуссиях и спорах складывался тот широкий научный коллектив, который вправе называть себя школой Лихачева.